

Ел ворон сыр; лиса хитрить пустилася
«Будь голос у тебя — ты стал великим бы!»
Закаркал глупый, сыр из клюва выронив;
А та: «Есть голос у тебя, да мозгу нет»¹

На русской почве в данном басенном сюжете (у Третьяковского, Сумарокова, Хвостова и др.) тоже обычно упоминается сыр. Сумароков к тому же удачно заменяет Ворона вороной, тем самым существенно меняя сам регистр притчевого рассказа: по Эзопу, хитрая лиса обманула мудрого ворона — по Сумарокову, — разиню-ворону. Так подготавливается гениальная крыловская строка, открывающая рассказ: «Вороне где-то Бог послал кусочек сыру...» Здесь — бездна пространства. В самом деле, Вороне (по Далю, ворона — нерасторопный, вялый человек, разиня, рохля, зевака) оказал помощь... сам Бог, но сколь ничтожен Божий дар — всего кусочек сыра. «Чем Бог послал», — обычно говорит хозяин, угощая гостя. Но у Крылова здесь вполне очевидный иронический парафраз: каждому же ясно, что Ворона где-то сыр украла (ср у Третьяковского: «Негде ворону унести сыра часть случилось...»; у Сумарокова: «Ворона сыру кус когда-то унесла...»). Так подготавливается изначально неожиданный, но закономерный финал басни: вор (плутовка) у вора (разини) украл.

Крылов, как видим, учитывает все оптимальные находки, отложившиеся в многочисленных обработках традиционного сюжета, вплоть до отдельных удачных выражений. Ср. у Сумарокова: «Какие ноженьки, какой носок...», а также в анонимной басне «Ворона и Соловей»: ворона «запела, или, лучше сказать, закаркала во все горло».² Впрочем, уже в своей шутотрагедии «Подщипа» («Трумф») Крылов воспроизводил механизм сладкой лести в речи Цыганки, обращенной к самодовольному Трумфу:

Подумай сам ладненько
Ну где есть личико другое так бельенко,
Где букли толще есть, где гуще есть усы,
И у кого коса длинней твоей косы?
Где есть такой носок, глазок, роток, бородка
И журавлиная степенная походка?
Ну есть ли девушка иль мужняя жена,
Чтоб, на тебя взглянув, не ахнула она?

¹ Классическая басня М., 1981 С 91 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте) О том, что Лафонтену были знакомы басни Игнатия Диякона свидетельствует басня французского баснописца «Пастух и Лев — Лев и охотник», где, в частности, упоминается «один грек, заостривший до предела этот изящный лаконизм Каждый сказ он вмещает в четыре строчки» (с 119) Понятно, почему из басни византийского писателя исчезло мясо в рационе простого византийца его не было «Утром подавали вареную пищу, два или три блюда, обычно из рыбы, сыра, бобов и капусты, приправленных оливковым маслом, вечером ограничивались хлебом, к которому добавляли овощи или фрукты» (*Каждан А П Византийская культура (X—XII век) М., 1968 С 11*)

² Московский журнал 1791 Ч 3, кн 1 С 197—198